

Святослав Саражин

**Взрослые сказки четвёртого
измерения. Мотивационные
повести (сборник)**



ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-3
ББК 84
С20

Саражин С. В.

Взрослые сказки четвёртого измерения. Мотивационные повести (сборник) / С. В. Саражин — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2019. — 138 с.

ISBN 978-5-5320-9443-7

Святослав Саражин. Мотивационный спикер, автор нескольких методик в сфере развития личности. Автор «Рассказных погласиц», тренингов и методик по исполнению желаний, проводит семинары по развитию личности, а также по работе со страхами и ограничивающими убеждениями по всему миру. Во время сильнейшего землетрясения в Армении, в котором погибло порядка 150 000 человек, пролежал под завалами более четырнадцати часов. После чего оказался прикованным к больничной койке. Выиграв битву со смертью, посвятил себя развитию человека! В настоящее время вместе с семьёй живёт на Карибских островах.

Введение

Обращение к читателю

Свершилось, и твое сердце забилося под сердцем твоей матери. В то же самое мгновение начали неумолимый отсчет твои часы. У каждого они свои. Некоторые покрыты великолепными узорами из золота, серебра и драгоценных камней, а некоторые просты и незатейливы. Но все они приближают твою смерть. Неумолимое тикание скрытого механизма самоуничтожения. Драгоценно-бесценные капли твоей утекающей жизни капают в единый временной океан. Каждая капля – мгновение прожитой жизни, каждая капля наполнена временем, как ядом – твоим временем. И вот ты из милого малыша превращаешься в самостоятельного человека. Все радует тебя и восхищает, но с каждой уходящей каплей твоего бесценного времени ты становишься взрослее. Эта болезнь неумолимо подтачивает тебя. Сначала не видно, но потом ты заметишь первую морщинку. Симптомы неумолимы. Эта болезнь называется старостью. Это единственная хворь, которая зависит от твоих часов, отбивающих минуты и секунды в тебе день и ночь. Перелистывая юбилейные даты, приближая тебя к неизбежному.

Но ты всемогущ и всемогущ, ведь ты зовешься человеком и все вокруг придумал ты для себя и только для себя. Прислушайся к часовому механизму в своем теле. Это не биение сердца, оно стучит по-другому, это работа твоей персональной бомбы с часовым механизмом. Почувствуй движение колесиков и пружинок, ведь этот совершенный механизм есть в тебе – он и есть ты сам. Подожди, замедли свой бег. Тебе не обязательно быть больным временем. Ты не зависишь от движения этих пружинок и колесиков, ты не зависишь от программы самоуничтожения. Ты сам себе бог и можешь приостановить биение этого механизма в себе. Сначала замедлить его бег, отмечая чудесные изменения в своем теле, а потом выбросить этот сломанный механизм из себя, ведь ты вечен. Не тебе отмерены медленные шаги, ведущие тебя к забвению. Не тебе предназначено смотреться

в зеркало и не узнавать себя в незнакомом человеке по ту сторону реальности.

Помни, что ты свободен от любых ограничений, особенно от ограничений времени, в которые ты сам себя загнал. Ты уже назначил дату своей смерти, ты сделал это сам и намеренно двигаешься к ней с улыбкой, стараясь не думать о великом ничто, к которому идешь. Животный страх, страх смерти живет в тебе. Программа твоих предков, умирающих по команде, заставляет тебя двигаться вслед за ними, выполняя заложенную в тебе модель быть как все.

Выходи! Выходи из этого строя и оглянись на тех, кто остался. Посмотри им в глаза. В них еще есть этот страх, который ты перешагнул, выбросив сломанный механизм заводом на одну жизнь, состоящий из пружиннок социума, штампованных колесиков и стереотипов.

Хватит. Слышишь, хватит. Хватит так обманываться, человек. Ты не самоуничтожающаяся часовая бомба. Ты свободен. Достаточно просто вспомнить. И когда ты вспомнишь, прислушайся... Что ты слышишь? Это и есть состояние полной свободы и тишины в пустоте. Состояние бога в самом себе и для себя. Вне времени и пространства.

Атланты держат небо...

Весна – замечательное время! Все просыпается, по-особому чирикают воробьи, первая травка, та, которая посмелей, выглядывает из черной, насыщенной тающим снегом земли. Я стою среди этой красоты и вдыхаю полной грудью наэлектризованный жизнью воздух. Люди обходят меня, недоуменно оборачиваясь, а увидев широкую, может, немного глуповатую из-за этого всего великолепия, улыбку, немедленно прячут взгляд и ускоряют шаг. А все потому, что стою я посередине тротуара, остановленный внезапным ощущением движения жизни.

Внезапно обращаю внимание, что рядом стоит человек, так же, как и я, с глуповатой улыбкой впитывает окружающий мир. Встретившись глазами и все поняв без слов, широко и уже осознанно улыбаемся друг другу. Человек, крепкого телосложения, можно даже сказать, мощного. На громадных плечах чуть ли не лопается легкая не по сезону куртка, под тканью которой при каждом движении перекачиваются, как живые существа, мускулы. Человек широким жестом прочертил рукой пространство вокруг себя, как бы спрашивая подтверждения, приходу долгожданной весны. С готовностью киваю, и ослепительная улыбка озаряет его волевое лицо. Он направляется ко мне и протягивает руку.

– Атлас, – густым басом произносит он.

Автоматически пожимаю ему руку и сразу, как продырявленная камера, испускаю громкое шипение. Рука человека словно выкована из рельса.

– Не понял?! – сквозь свое же шипение произнес я, потряхивая занемевшей рукой.

– Зовут меня так, – повторил человек, с беспокойством следя за моей мелькающей перед его носом рукой.

– Прошу меня простить! – проговорил он, – все время не рассчитываю силы! Атлас меня зовут, ну или Атлант, если хотите.

– Слава, – ответил я, протягивая богатырю руку, но, вспомнив чем это чревато, моментально отдернул ее.

Человек засмеялся, и на минуту мне показалось, что его смех, похожий одновременно на звук камнепада и гром летней грозы, отразился от голубого весеннего неба и, прокатившись эхом, обрушился на нас, накрывая волной чистой энергии.

– У вас не будет, случаем, закурить? – спрашивает Атлант, внимательно рассматривая каждого человека, что, как река, обтекали нас с обеих сторон.

– Да... я не курю, – ответил я, хотел добавить:

– И вам не советую, – но окинув взглядом его мощную фигуру, трусливо промолчал.

Атлант понимающе улыбнулся и сказал.

– Все зависит от того, как к этому относиться! Если вдыхать чистейший горный воздух и при этом быть уверенным, что это опасно для здоровья, поверь мне, – долго не протянешь.

Атлант опять раскатисто расхохотался, и я снова уловил этот странный эффект. Смех окружил меня, заискрился яркими молниями и растаял в пространстве.

– А я наслаждаюсь каждым днем, – продолжал Атлант, – вот уже какую тысячу лет. Каждый день не похож на предыдущий. Каждый день предлагает сотни разных возможностей, и я стараюсь использовать каждую из них!

Отметив изменения в выражении моего лица, Атлант понимающе ухмыльнулся, по-дружески хлопнул меня по плечу так, что у меня загудело в голове, и, повернувшись на сто восемьдесят градусов, уверенно зашагал по дороге.

Нет, такую возможность упускать я не хотел, да и в случайности давно не верю. Догнав Атланта, я приноровился к его стремительной уверенной походке, тем более что он направлялся в нужную мне сторону.

– Так вы – Атлант? – спросил я, привыкая к темпу его ходьбы.

– Да! Атлант или Атлас, – как само собой разумеющееся, ответил он. Как будто легендарные Атланты вот так каждый день расхаживают по улицам и наслаждаются жизнью.

– А тогда кто же поддерживает небосвод? – напрягая свою память и вызывая образ здорового ребенка, поддерживающего звездное небо, спросил я.

– Брат мой на этой должности, – ответил Атлант.

Я немного отстал от него и с сомнением оглядел мощную, но недостаточно массивную для такой миссии фигуру (по моим представлениям о мужике, поддерживающем небесный свод со всеми спутниками, самолетами, космическим мусором, да и тучи со счетов сбрасывать не стоит).

Как будто почувствовав, о чем я думаю, Атлант резко остановился и развернулся ко мне. Я чуть не уткнулся в него носом.

– Послушай, Слава, – сказал он, смотря мне прямо в глаза, – неужто ты думаешь, что небосвод можно удержать силой каких бы то ни было мышц? Нет такого силача на земле, способного удержать подобную тяжесть. Я что, зря тебе рассказывал о силе убеждения? Атлант удерживает небесный свод на плечах силой своей веры в то, что он это сможет. А это, – он повел громадными плечами, – так сказать, побочный эффект, биология понимаешь.

Он наставительно поднял указательный палец, усмехнулся и, развернувшись, продолжил свой путь.

Огорошенный его умением читать мысли, я догнал Атланта и спросил:

– Так что? И я смог бы удержать?

– Конечно, – ответил Атлант.

– А что, – хочешь? – спросил он, повернув голову и оценивающе оглядев меня с ног до головы.

– Да нет, спасибо. – Это я так больше из любопытства, не люблю монотонную работу, – поспешно проговорил я.

– Вот и я такой, – сказал Атлант.

– Когда-то мы стояли с братом под тяжестью небес и мечтали о том, что, наконец, настанет время и можно будет освободиться от этого страшного груза. Настанет время, когда можно будет распрямить утомленные плечи, и вздохнуть полной грудью, и радоваться вечной жизни, а не проклинать ее. Но мы с братом разные! Я ему сказал: «Мало мечтать – надо действовать!». Если небо как-то дер-

жалось без нашего участия, оно продержится и дальше и без пары потных мужиков. Но мой брат ничего не хотел слушать и дальше мечтаний у него не пошло. Я же понял. Все, что мы думаем, все, что знаем, во что верим, не так уж и важно. Важно лишь то, что мы делаем.

— Когда я осознал это, то сбросил небосвод со своих плеч, вытер соленный пот со своего лба и, первый раз в своей жизни, улыбнулся. С тех пор улыбка не сходит с моих губ, и я радуюсь каждому дню.

— А как же твой брат? По-моему, не совсем честно было оставлять на него эту тяжесть.

— С ним все в порядке! Когда-нибудь он поймет эту истину и скинет небесный купол со своих плеч.

— Вот тогда и настанет конец света, — уверенно проговорил я.

Атлант резко остановился, я же, пролетев по инерции пару шагов, быстро вернулся. Он задумчиво смотрел на проплывающие в голубом небе облака.

— Пока есть вы, люди... человеки, небо никогда не упадет! Потому что, если даже светлый Атлант, силой своей веры поддерживающий небо, не верит в то, что он может получить что-то лучшее, что говорить о вас! Если вы чувствуете тяжесть забот, неудач и других напастей, в этом всем есть толика тяжести всего небосвода. И такие люди будут всегда! Но есть и такие, как я... и ты, — спустя минуту проговорил светлый Атлант, заглядывая мне в глаза.

— Наслаждайся каждой минутой жизни и оставь тяжесть небесного свода тем, кто уже держит его с удовольствием.

Атлант развернулся и зашагал вперед. Я не стал его догонять, я понял. Каждый из нас — Атлант, и у каждого есть выбор — поддерживать небо или жить насыщенной жизнью. Я расправил плечи, поводит ими и, улыбаясь идущим навстречу людям, уверенно зашагал в весну.

Бесконечная прерия

Бесконечна прерия, как сон старухи. Выжженная солнцем трава шелестит на солнце, и только одинокое дерево тянет свои искореженные сучья в небо в бесполезной мольбе о дожде. Старый индеец Дакота покачивается на спине пятнистого мустанга.

Мустанг неспешно переставляет ноги, изредка вырывая из прокаленной зноем земли клочок сухой травы. Охота была неудачной, и раненый бизон оказался хитрым, как шаман из их племени, а может это и был он, недаром охотиться в одиночку было – табу. Но Дакота не знает страха, ведь ветхий вигвам продувается всеми ветрами, а сын, гордость старого отца, так быстро растет... Ему нужно много мяса и жира. Притороченные к поясу, расшитому бисером, бились о бок мустанга, пара добытых им луговых собачек. Небогатый улов для трехдневной охоты. Мысли старого индейца были такими же вязкими, как знойный воздух. Бизон ушел, а он и его старый мустанг выбились из сил.

Но вот, впереди послышался лай собак, и в дрожащем, струящемся как вода, воздухе проступили очертания островерхих вигвамов его племени. Мустанг дернул ушами, всхрипнул, тряхнул гривой, отгоняя надоедливую слепня и потрусил быстрее, чувствуя скорый отдых. Потянуло горьковатым дымком, и к залиvistому лаю собак стали примешиваться другие звуки, создавая неповторимый, радующий ухо шум.

Заплакал ребенок, заржал жеребенок, зазвенел котел над очагом. Женщина закричала на наглого пса, утащившего мозговую кость. Дакота расправил плечи, ни один человек не увидит, как удручен он неудачей. Из своего вигвама выбрался шаман и вперил в старого индейца орлиный взгляд. Легкая ухмылка исказила его беспристрастное лицо, изборожденное глубокими морщинами.

Но все тяжкие мысли растаяли словно пыль, смытая со шкур вигвама чистым дождем, когда Дакоте навстречу выбежал мальчишка. Заплетенные в косы волосы прыгали по его плечам, как раньше луговые собачки, которых отец вез с охоты. Подбежав к мустангу, маль-